

**Роберт
Рождественский**

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО ДРУГ ДРУГА

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Серия «Стихи о любви»

*Фотография для обложки
предоставлена ФГУП «Международное
информационное агентство “Россия сегодня”»*

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 Мы долгое эхо друг друга / Роберт Рождественский. — Москва : АСТ, 2015. — 256 с., ил. — (Стихи о любви).

ISBN 978-5-17-089959-3

«Я знала, что многие нам завидуют, еще бы — столько лет вместе. Но если бы они знали, как мы счастливы, нас, наверное, сожгли бы на площади. Каждый день я слышала: „Алка, я тебя люблю!” Я так привыкла к этим словам, что не могу поверить, что никогда (какое слово бесповоротное!) не услышу их снова. Но они звучат в ночи, заставляют меня просыпаться и не оставляют никакой надежды на сон...», — такими словами супруга поэта Алла Киреева предварила настоящий сборник стихов.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

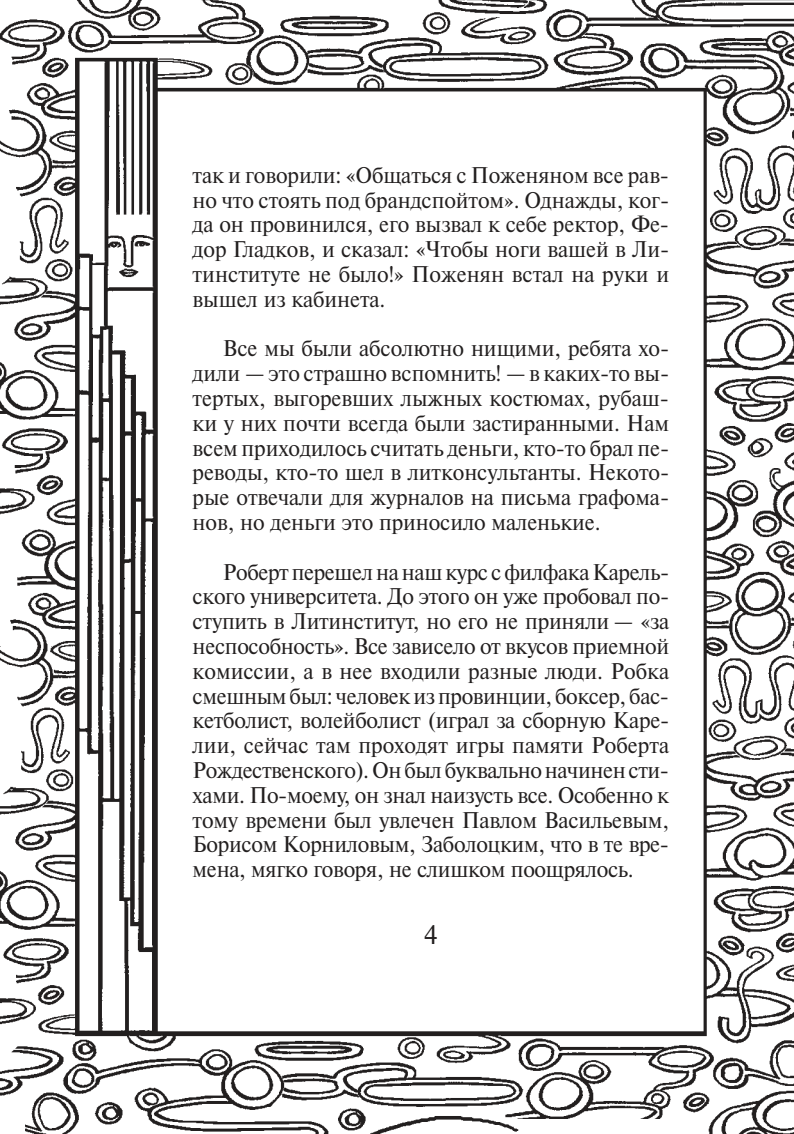
ISBN 978-5-17-089959-3

© Рождественский Р. И.
© ООО «Издательство АСТ»
© МИА «Россия сегодня»

Долгая любовь моя

С Робертом мы познакомились в Литинституте, где было сто двадцать юношей и человек пять-шесть девочек, так что на каждую приходилось достаточно кавалеров. Ребята были самые разные, в том числе и очень смешные. Были среди них и абсолютно неграмотные: учиться «на писателя» их посылали потому, что республике выделяли в институте сколько-то мест. Но конкурс тем не менее был огромный. Уже на следующий год после прихода в Литинститут я работала в приемной комиссии: принимали Юнну Мориц, Беллу Ахмадулину...

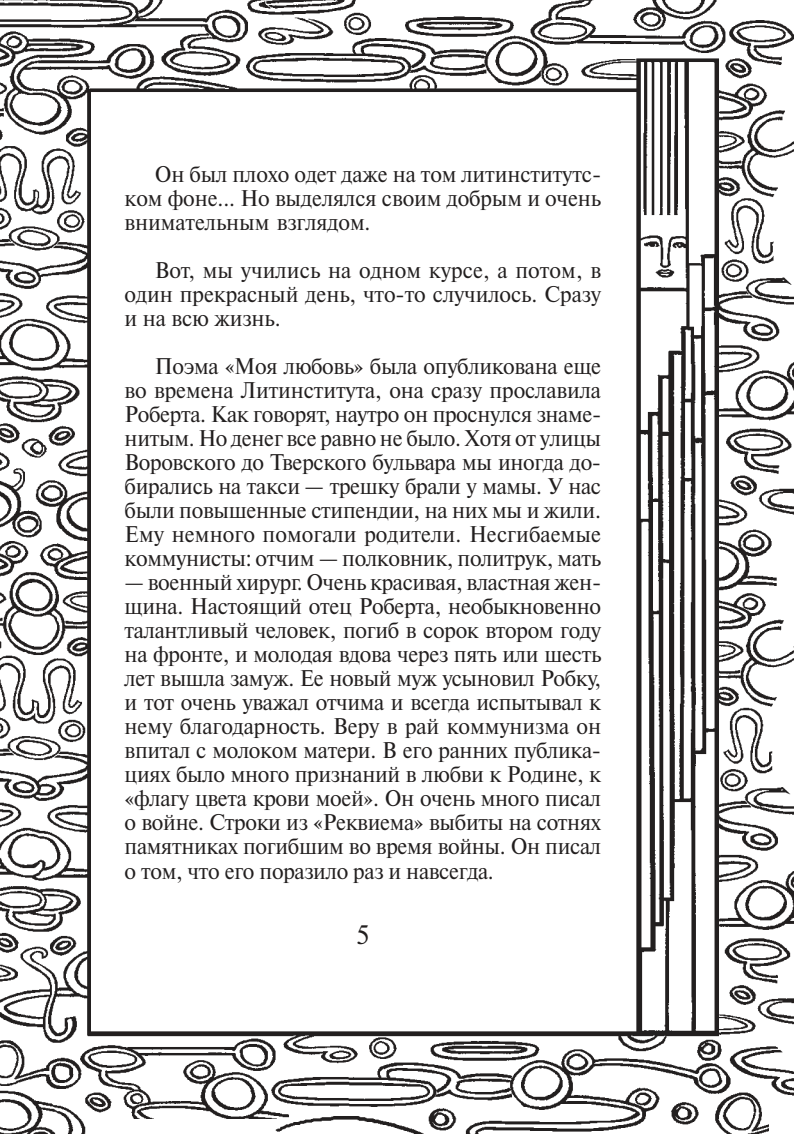
Жизнь в Литинституте кипела. На лестнице читали друг другу стихи, тут же оценивали все тем же: «Старик, ты гений». Особенно выделялся Евтущенко — он носил длиннющие сумасшедших расцветок галстуки. Они болтались у него между колен. Замечательный — уже тогда — поэт Володя Соколов привлекал своим удивительно интеллигентным обликом, чувством собственного достоинства, доброжелательностью. Поженян, поэт с легендарной биографией (со времен войны в Одессе висит мемориальная доска, где он числится погибшим), поражал огромным напором: о нем

так и говорили: «Общаться с Поженяном все равно что стоять под брандспойтом». Однажды, когда он провинился, его вызвал к себе ректор, Федор Гладков, и сказал: «Чтобы ноги вашей в Литинституте не было!» Поженян встал на руки и вышел из кабинета.

Все мы были абсолютно нищими, ребята ходили — это страшно вспомнить! — в каких-то вытертых, выгоревших лыжных костюмах, рубашки у них почти всегда были застиранными. Нам всем приходилось считать деньги, кто-то брал переводы, кто-то шел в литконсультанты. Некоторые отвечали для журналов на письма графоманов, но деньги это приносило маленькие.

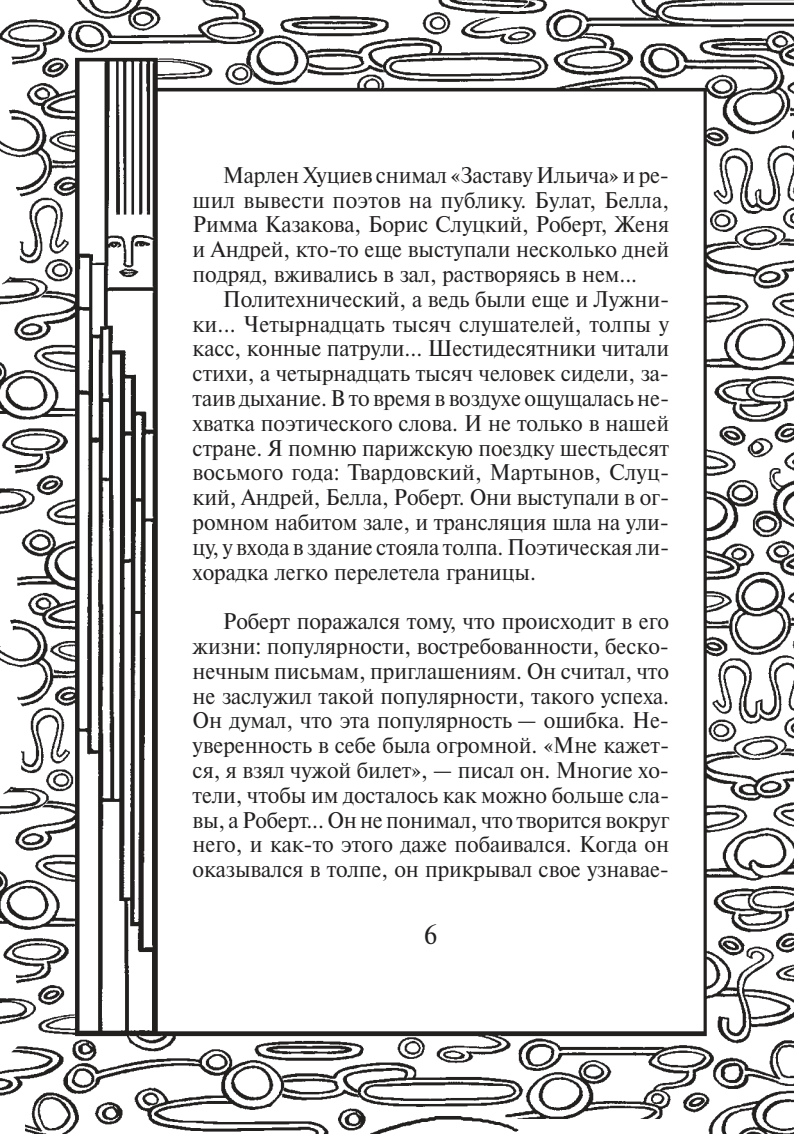
Роберт перешел на наш курс с филфака Карельского университета. До этого он уже пробовал поступить в Литинститут, но его не приняли — «за неспособность». Все зависело от вкусов приемной комиссии, а в нее входили разные люди. Робка смешным был: человек из провинции, боксер, баскетболист, волейболист (играл за сборную Карелии, сейчас там проходят игры памяти Роберта Рождественского). Он был буквально начинен стихами. По-моему, он знал наизусть все. Особенно к тому времени был увлечен Павлом Васильевым, Борисом Корниловым, Заболоцким, что в те времена, мягко говоря, не слишком поощрялось.

Он был плохо одет даже на том литинститутском фоне... Но выделялся своим добрым и очень внимательным взглядом.

Вот, мы учились на одном курсе, а потом, в один прекрасный день, что-то случилось. Сразу и на всю жизнь.

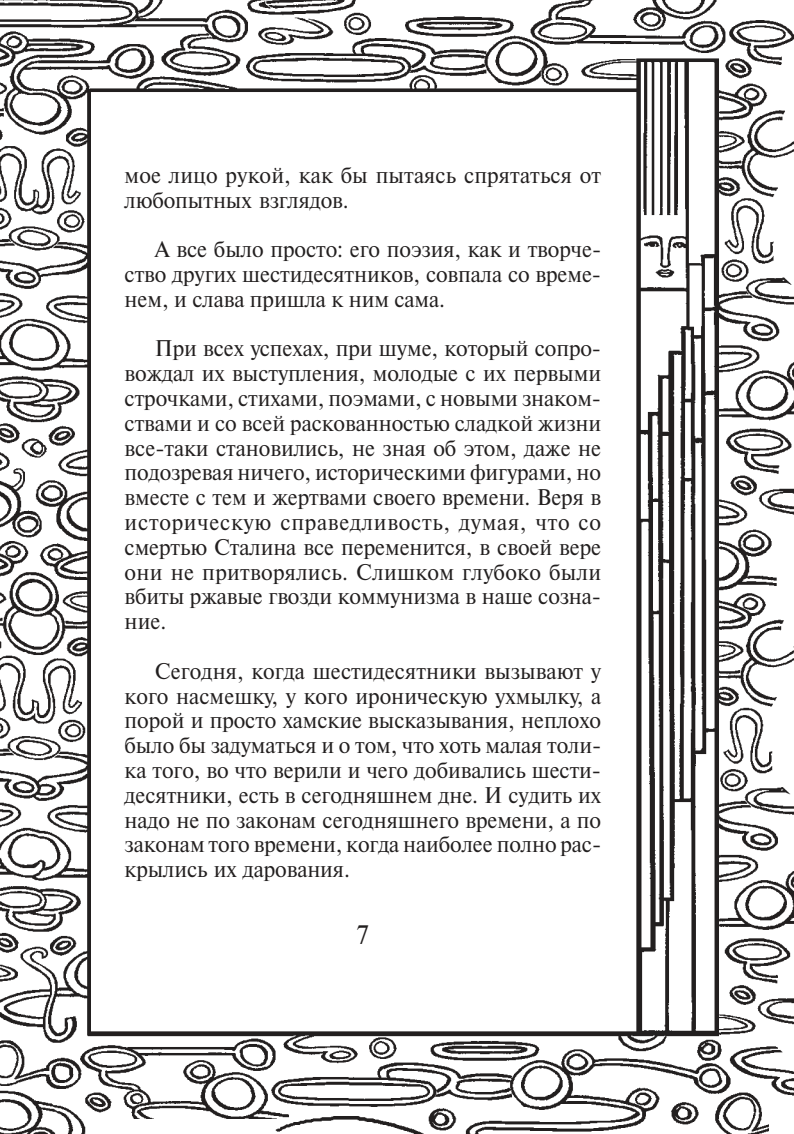
Поэма «Моя любовь» была опубликована еще во времена Литинститута, она сразу прославила Роберта. Как говорят, наутро он проснулся знаменитым. Но денег все равно не было. Хотя от улицы Воровского до Тверского бульвара мы иногда добирались на такси — трешку брали у мамы. У нас были повышенные стипендии, на них мы и жили. Ему немного помогали родители. Несгибаемые коммунисты: отчим — полковник, политрук, мать — военный хирург. Очень красивая, властная женщина. Настоящий отец Роберта, необыкновенно талантливый человек, погиб в сорок втором году на фронте, и молодая вдова через пять или шесть лет вышла замуж. Ее новый муж усыновил Робку, и тот очень уважал отчима и всегда испытывал к нему благодарность. Веру в рай коммунизма он впитал с молоком матери. В его ранних публикациях было много признаний в любви к Родине, к «флагу цвета крови моей». Он очень много писал о войне. Строки из «Реквиема» выбиты на сотнях памятниках погибшим во время войны. Он писал о том, что его поразило раз и навсегда.

Марлен Хуциев снимал «Заставу Ильича» и решил вывести поэтов на публику. Булат, Белла, Римма Казакова, Борис Слуцкий, Роберт, Женья и Андрей, кто-то еще выступали несколько дней подряд, вживались в зал, растворяясь в нем...

Политехнический, а ведь были еще и Лужники... Четырнадцать тысяч слушателей, толпы у касс, конные патрули... Шестидесятники читали стихи, а четырнадцать тысяч человек сидели, затаив дыхание. В то время в воздухе ощущалась нехватка поэтического слова. И не только в нашей стране. Я помню парижскую поездку шестьдесят восьмого года: Твардовский, Мартынов, Слуцкий, Андрей, Белла, Роберт. Они выступали в огромном набитом зале, и трансляция шла на улицу, у входа в здание стояла толпа. Поэтическая лихорадка легко перелетела границы.

Роберт поражался тому, что происходит в его жизни: популярности, востребованности, бесконечным письмам, приглашениям. Он считал, что не заслужил такой популярности, такого успеха. Он думал, что эта популярность — ошибка. Неуверенность в себе была огромной. «Мне кажется, я взял чужой билет», — писал он. Многие хотели, чтобы им досталось как можно больше славы, а Роберт... Он не понимал, что творится вокруг него, и как-то этого даже побаивался. Когда он оказывался в толпе, он прикрывал свое узнавае-

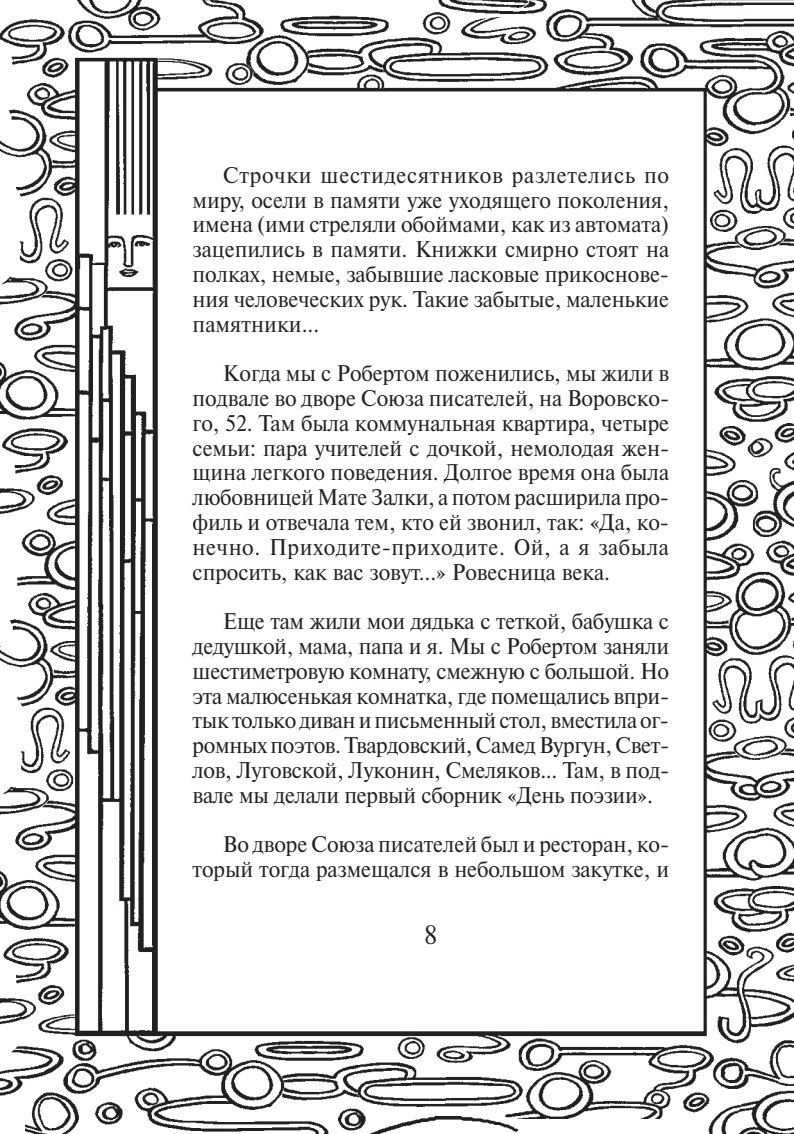

мое лицо рукой, как бы пытаюсь спрятаться от любопытных взглядов.

А все было просто: его поэзия, как и творчество других шестидесятников, совпала со временем, и слава пришла к ним сама.

При всех успехах, при шуме, который сопровождал их выступления, молодые с их первыми строчками, стихами, поэмами, с новыми знакомствами и со всей раскованностью сладкой жизни все-таки становились, не зная об этом, даже не подозревая ничего, историческими фигурами, но вместе с тем и жертвами своего времени. Веря в историческую справедливость, думая, что со смертью Сталина все переменится, в своей вере они не притворялись. Слишком глубоко были вбиты ржавые гвозди коммунизма в наше сознание.

Сегодня, когда шестидесятники вызывают у кого насмешку, у кого ироническую ухмылку, а порой и просто хамские высказывания, неплохо было бы задуматься и о том, что хоть малая толика того, во что верили и чего добивались шестидесятники, есть в сегодняшнем дне. И судить их надо не по законам сегодняшнего времени, а по законам того времени, когда наиболее полно раскрылись их дарования.

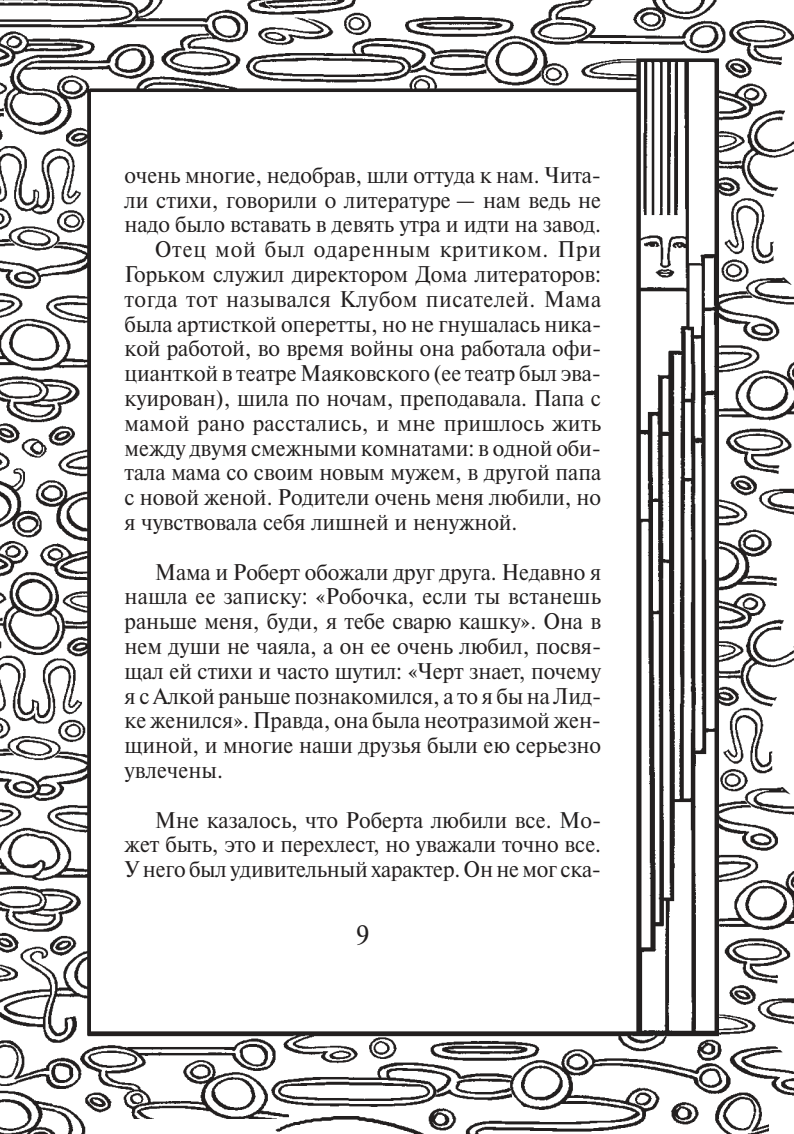

Строчки шестидесятников разлетелись по миру, осели в памяти уже уходящего поколения, имена (ими стреляли обоймами, как из автомата) зацепились в памяти. Книжки смиренно стоят на полках, немые, забывшие ласковые прикосновения человеческих рук. Такие забытые, маленькие памятники...

Когда мы с Робертом поженились, мы жили в подвале во дворе Союза писателей, на Воровского, 52. Там была коммунальная квартира, четыре семьи: пара учителей с дочкой, немолодая женщина легкого поведения. Долгое время она была любовницей Мате Залки, а потом расширила профиль и отвечала тем, кто ей звонил, так: «Да, конечно. Приходите-приходите. Ой, а я забыла спросить, как вас зовут...» Ровесница века.

Еще там жили мои дядька с теткой, бабушка с дедушкой, мама, папа и я. Мы с Робертом заняли шестиметровую комнату, смежную с большой. Но эта малюсенькая комнатка, где помещались впритык только диван и письменный стол, вместила огромных поэтов. Твардовский, Самед Вургун, Светлов, Луговской, Луконин, Смеляков... Там, в подвале мы делали первый сборник «День поэзии».

Во дворе Союза писателей был и ресторан, который тогда размещался в небольшом закутке, и

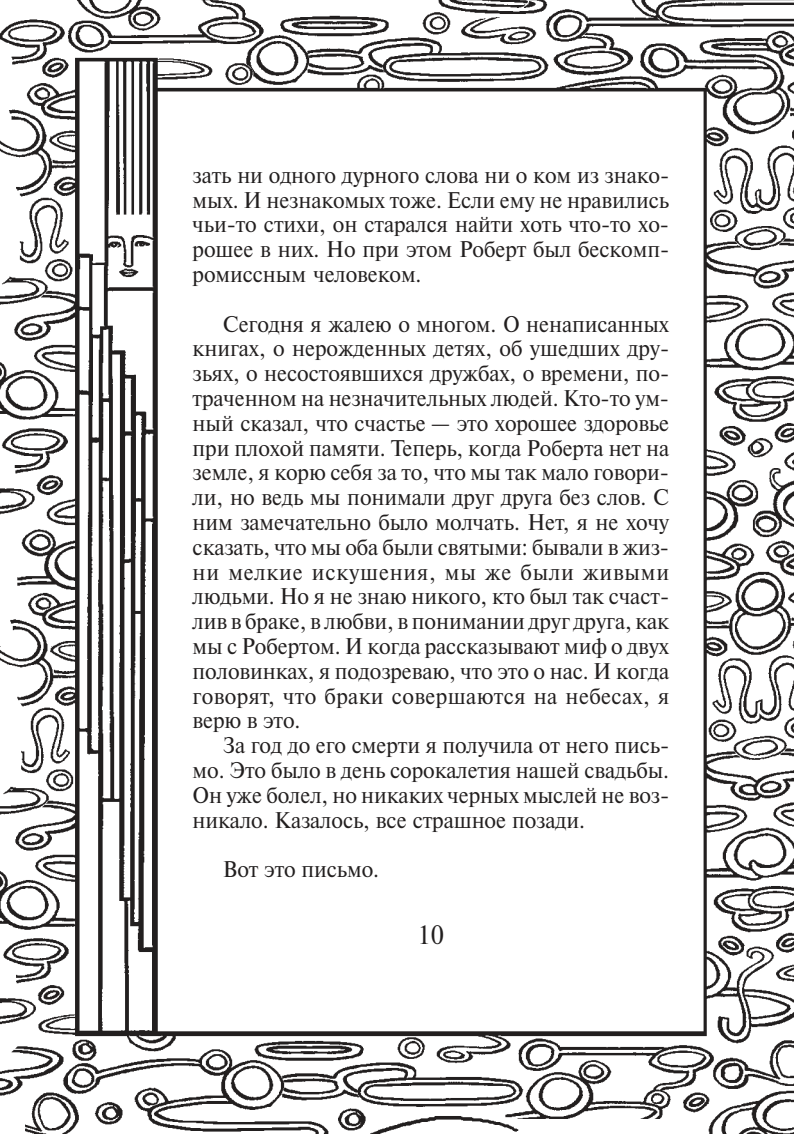
The page is framed by a decorative border consisting of various abstract shapes like circles, ovals, and wavy lines. On the right side, there is a vertical column with a stylized face at the top and several horizontal lines below it.

очень многие, недобрав, шли оттуда к нам. Читали стихи, говорили о литературе — нам ведь не надо было вставать в девять утра и идти на завод.

Отец мой был одаренным критиком. При Горьком служил директором Дома литераторов: тогда тот назывался Клубом писателей. Мама была артисткой оперетты, но не гнушалась никакой работой, во время войны она работала официанткой в театре Маяковского (ее театр был эвакуирован), шила по ночам, преподавала. Папа с мамой рано расстались, и мне пришлось жить между двумя смежными комнатами: в одной обитала мама со своим новым мужем, в другой папа с новой женой. Родители очень меня любили, но я чувствовала себя лишней и ненужной.

Мама и Роберт обожали друг друга. Недавно я нашла ее записку: «Робочка, если ты встанешь раньше меня, буди, я тебе сварю кашку». Она в нем души не чаяла, а он ее очень любил, посвящал ей стихи и часто шутил: «Черт знает, почему я с Алкой раньше познакомился, а то я бы на Лидке женился». Правда, она была неотразимой женщиной, и многие наши друзья были ею серьезно увлечены.

Мне казалось, что Роберта любили все. Может быть, это и перехлест, но уважали точно все. У него был удивительный характер. Он не мог ска-

зять ни одного дурного слова ни о ком из знакомых. И незнакомых тоже. Если ему не нравились чьи-то стихи, он старался найти хоть что-то хорошее в них. Но при этом Роберт был бескомпромиссным человеком.

Сегодня я жалею о многом. О ненаписанных книгах, о нерожденных детях, об ушедших друзьях, о несостоявшихся дружбах, о времени, потраченном на незначительных людей. Кто-то умный сказал, что счастье — это хорошее здоровье при плохой памяти. Теперь, когда Роберта нет на земле, я корю себя за то, что мы так мало говорили, но ведь мы понимали друг друга без слов. С ним замечательно было молчать. Нет, я не хочу сказать, что мы оба были святыми: бывали в жизни мелкие искушения, мы же были живыми людьми. Но я не знаю никого, кто был так счастлив в браке, в любви, в понимании друг друга, как мы с Робертом. И когда рассказывают миф о двух половинках, я подозреваю, что это о нас. И когда говорят, что браки совершаются на небесах, я верю в это.

За год до его смерти я получила от него письмо. Это было в день сорокалетия нашей свадьбы. Он уже болел, но никаких черных мыслей не возникало. Казалось, все страшное позади.

Вот это письмо.

«Милая, родная Аленушка!

Впервые за сорок лет посылаю тебе письмо со второго этажа нашей дачи на первый этаж. Значит, настало такое время.

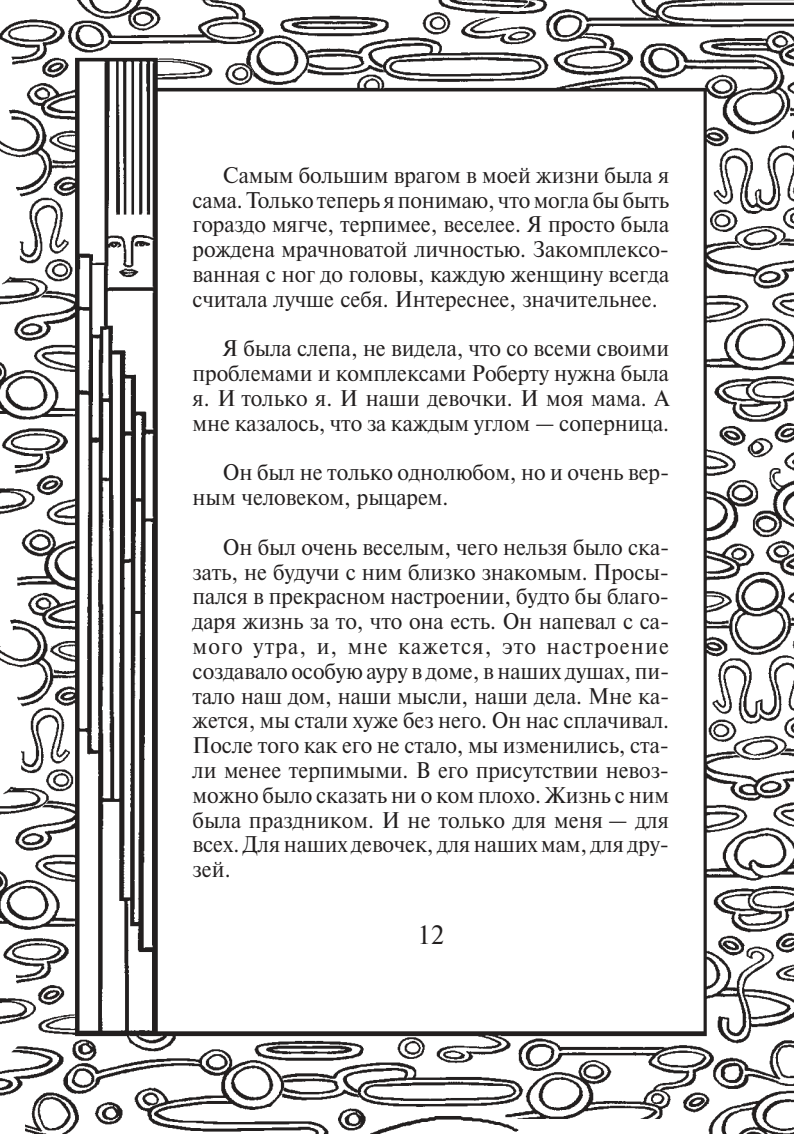
Я долго думал, чего бы тебе подарить к этому — (до сих пор не верю!) — общему нашему юбилею. А потом увидел стоящий на полке трехтомник и даже засмеялся от радости и благодарности к тебе.

Целое утро делал закладки к тем стихам, которые (аж с 51 года!) так или иначе имеют к тебе отношение.

Их там так много, что даже страшно и радостно. Поэтому я сделал еще одну — общую, большую закладку в конце 3-го тома.

Ты — соавтор практически всего, что я написал. А вот — самое, самое новое:

*Сорок долгих лет
И мгновенных лет
Ты — моя судьба,
Мой всегдашний свет.
Есть в душе твоей
Вечность высоты.
В мире и во мне
Существуешь ты!
Так что без тебя —
(знай наверняка),
Я бы не прожил
Этих сорока».*

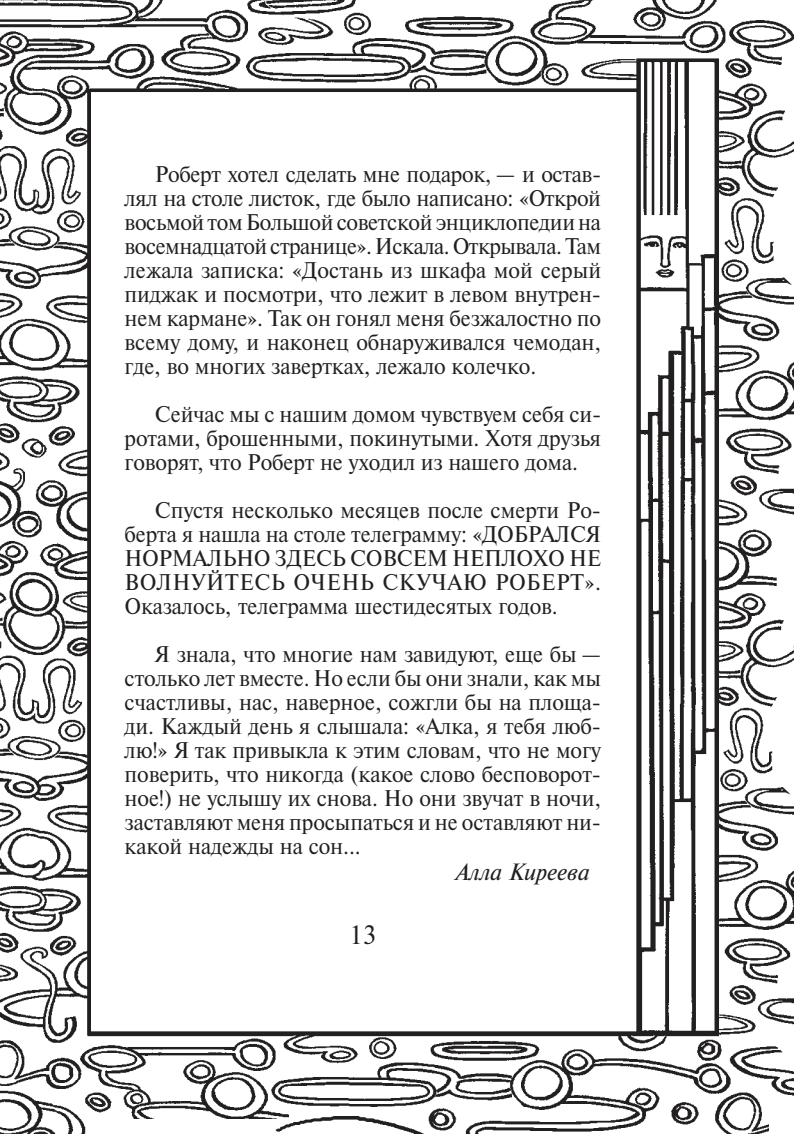

Самым большим врагом в моей жизни была я сама. Только теперь я понимаю, что могла бы быть гораздо мягче, терпимее, веселее. Я просто была рождена мрачноватой личностью. Закомплексованная с ног до головы, каждую женщину всегда считала лучше себя. Интереснее, значительнее.

Я была слепа, не видела, что со всеми своими проблемами и комплексами Роберту нужна была я. И только я. И наши девочки. И моя мама. А мне казалось, что за каждым углом — соперница.

Он был не только однолюбом, но и очень верным человеком, рыцарем.

Он был очень веселым, чего нельзя было сказать, не будучи с ним близко знакомым. Просыпался в прекрасном настроении, будто бы благодаря жизнь за то, что она есть. Он напевал с самого утра, и, мне кажется, это настроение создавало особую ауру в доме, в наших душах, питало наш дом, наши мысли, наши дела. Мне кажется, мы стали хуже без него. Он нас сплачивал. После того как его не стало, мы изменились, стали менее терпимыми. В его присутствии невозможно было сказать ни о ком плохо. Жизнь с ним была праздником. И не только для меня — для всех. Для наших девочек, для наших мам, для друзей.

Роберт хотел сделать мне подарок, — и оставлял на столе листок, где было написано: «Открой восьмой том Большой советской энциклопедии на восемнадцатой странице». Искала. Открывала. Там лежала записка: «Достань из шкафа мой серый пиджак и посмотри, что лежит в левом внутреннем кармане». Так он гонял меня безжалостно по всему дому, и наконец обнаружился чемодан, где, во многих завертках, лежало колечко.

Сейчас мы с нашим домом чувствуем себя сиротами, брошенными, покинутыми. Хотя друзья говорят, что Роберт не уходил из нашего дома.

Спустя несколько месяцев после смерти Роберта я нашла на столе телеграмму: «ДОБРАЛСЯ НОРМАЛЬНО ЗДЕСЬ СОВСЕМ НЕПЛОХО НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ОЧЕНЬ СКУЧАЮ РОБЕРТ». Оказалось, телеграмма шестидесятых годов.

Я знала, что многие нам завидуют, еще бы — столько лет вместе. Но если бы они знали, как мы счастливы, нас, наверное, сожгли бы на площади. Каждый день я слышала: «Алка, я тебя люблю!» Я так привыкла к этим словам, что не могу поверить, что никогда (какое слово бесповоротное!) не услышу их снова. Но они звучат в ночи, заставляют меня просыпаться и не оставляют никакой надежды на сон...

Алла Киреева

* * *

Ах, как мы привыкли шагать от несчастья
к несчастью...

Мои бесконечно родные,
прощайте!

Родные мои, дорогие мои, золотые,
останьтесь, прошу вас,
 побудьте опять молодыми!

Не каньте беззвучно в бездонной российской
общаге.

Живите. Прощайте...

Тот край, где я нехотя скроюсь, отсюда
не виден.

Простите меня, если я хоть кого-то обидел!
Целую глаза ваши.

Тихо молю о пощаде.

Мои дорогие. Мои золотые.
Прощайте!..

Постичь я пытался безумных
событий причинность.
В душе угадал...

Да не все на бумаге случилось.

ТЕБЕ

Алене

Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда.
Как слова совпадают с губами.
С пересохшим горлом —
вода.
Мы совпали, как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
еще не зная
ничего
о зле и добре.
И навечно
совпало с нами
это время в календаре.